

≈ СОДЕРЖАНИЕ ≈

Глава 1. Маньяк Маня страдает.....	5
Глава 2. Казя в университете.....	15
Глава 3. Разбирательство.....	24
Глава 4. Февраль	33
Глава 5. Пашка, Пушка.....	42
Глава 6. Казя просыпается	51
Глава 7. В гостях.....	60
Глава 8. Лекция по трупной безопасности.....	71
Глава 9. Старая-старая история: начало	80
Глава 10. Покойничек Строгов отжигает	91
Глава 11. Пашка и памятник.....	102
Глава 12. Второе путешествие Кази.....	111
Глава 13. Еще немного Строгова	122
Глава 14. Всеобщий сбор в детективном агентстве	133
Глава 15. Эх, Казя, Казя!.....	143
Глава 16. Обязанности здорожа.....	152
Глава 17. Иван Купала, я в тебя попала!	162
Глава 18. Казя в больнице	174

Глава 19. Паша и прадедушка.....	183
Глава 20. Казя и проблемы мертвяков	192
Глава 21. Калейдоскоп.....	201
Глава 22. Бедный, бедный Кузя	209
Глава 23. Синий ветер Алинка.....	218
Глава 24. Привет, прадедушка!	228
Глава 25. Два годами позже	239
Глоссарий	245
Герои и артефакты	248

После смерти жизнь не продолжается. Но зато начинается нежизнь, и в ней есть свои прелести. Например, исполняются многие желания. Можно наряжаться, ходильничать — посещать другие места загробного мира, — можно наблюдать за живыми, можно учиться в университете, можно кого-то спасти.

В нежизни можно сгинуть. Но можно нежить сколь угодно долго и даже вечно — при желании.

Много чего можно!

Добро пожаловать в мир мертвяков, трупов, нежити — называйте как хотите. Погнали!

≈ ГЛАВА 1 ≈

Маньяк Маня страдает

Начнем мы эту историю с конца, точнее, почти с конца. Может, это и не совсем правильно, но кто же знает, что правильно, а что нет?

Маньяк Маня сидел в ночи на кладбище и страдал от неразделенной любви и отсутствия всякой надежды. Он был один — полноватый неуклюжий подросток в яркой толстовке, — и образ его никак не соответствовал ни общепринятым представлениям о маньяках-убийцах, лихо ужокошивших пару десятков невинных жертв в мире живых, ни достаточно высокому в загробном мире статусу дорожа кладбища, призванному Небесной Канцелярией следить за тишиной и порядком на вверенной ему территории. Статус этот Маня получил в декабре две тысячи двадцать второго года, после того как предыдущий дорож Фёдр был разжалован и навеки отправлен в свое родовое гнездо за многочисленные нарушения, приведшие к гибели тети Тани — простой, недалекой мертвячихи, о которой Маня до сих пор вспоминал с теплотой и сожалением.

Ночь стояла безветренная, покойная, время перетекало из двадцать первого в двадцать второе июня две тысячи двадцать четвертого. Луна, более похожая на флуоресцентный апельсин, чем на космическое тело, выкатилась из-за кромки берез и елок и сияла издевательски, мощно и царственно. Сегодняшняя ночь словно была создана для романтических

прогулок и нежности, и неважно, жив ты или мертв. Гулять Мане было не с кем.

Маня был давно мертв, а объект его тайной любви — Кассимира Павловна Володарь, или попросту Казя, — почил в не столь отдаленном прошлом, всего несколько лет назад в возрасте девятнадцати лет и с первых же минут перевернула размеренный уклад нежизни мертвяков небольшого Пущинского кладбища. В момент появления Казю их, мертвяков, было: Фёдр, Маня, Лекс, Склеп и Игнат — мужского полу, тетя Таня, бабушка Станислава и Алинка-Малинка — женского. Лекс симпатизировал Малинке, Игнат приударял за тетей Таней, к Фёдру периодически навевалась его жена Тамарка (сволочь и гадина, хорошо, что ее уничтожили!); остальные не жили себе без лишних тревожений. Еще формально в числе обитателей кладбища числились некоторые мертвяки-ходильники. Дома их стояли целехоньки, что свидетельствовало о том, что с хозяевами все в полном порядке — просто они застряли в других местах обширного потустороннего мира. А некоторые дома со временем разрушались (мертвяки говорили — «разыбились»), поглощались тьма-кустами и исчезали. Все это происходило медленно, годами. Размеренное течение нежизни нарушалось вечеринками: мертвяки встречали Новый год, праздновали Первомай, бурно приветствовали появление новичков. Несколько раз в год традиционно устраивали себе «каникулы», а в обычные дни подглядывали за живыми, общались, играли в карты и так далее. Игнат вечно что-то изобретал, Стася собирала и сушила травы, а сам Маня только и выискивал, чего бы еще вкусного сдублировать и сожрать в свое удовольствие.

И тут появилась Казя — изящная и, как вскоре выяснилось, решительная, не такая, как все. В первый

же день она прямо на глазах у Мани соорудила себе не обычный дом, а титановый современный куб на холме за живописным каменным мостиком, затем, следуя советам бабушки Стаси, стала ходильницей, покинув кладбище по ниточке, появившейся из ее браслета... У самого Мани дома толкового до сих пор не было — так, жалкая халупа. И кладбище он не покидал ни разочка — настолько боялся исчезнуть, что не видел никаких ниточек, огоньков, тумана и чего там еще.

Чуть позже Казя явила сокладбищникам новые чудеса: открыла кафе с настоящим, не сдублированным, кофе, лепешками и вареньем. Да еще и не где-нибудь, а в доме, который уже почти раззыбился и готов был превратиться в руины! Нет, ну вы такое слышали? В чужом доме! Кафе! С кухней в подвале!

Луна-апельсин поднималась выше, а Маня все сидела недвижно на одной из могильных плит и вспоминал, размышлял. С приходом Кази произошло и еще событие, правда уже не по ее вине и не с ее подачи. Игнат нашел дыру в куполе над кладбищем, который не давал мертвякам покидать зону их обитания. И протащил сквозь дыру корову для тети Тани. Ну, как протащил — сдублил. Но живых существ дублировать нельзя. Почему именно нельзя, до того случая никто не знал. В любом случае они издыхали. Корова тоже издохла, но тетя Таня успела ее подоить, а молока испить и Стасю угостить. В итоге Таня раззыбилась, а ворожею бабу Стасю, находящуюся в плачевном состоянии, забрали в больницу. А виноват-то был не Игнат, а Фёдр, который знал, а в Небесную Канцелярию не сообщил. И про аномальную деятельность Кази не сообщил. И Лекса — Алексея Таганова, самого проницательного из всех мертвяков — удачно и вовремя сплавил в университет. Вроде как приглашение в универ принес Алинке-Малинке, надеясь, что Лекс на него клюнет. А Алинка тоже сгинула, се

жена Фёдра, Тамарка, превратила в синий бестелесный ветер. А Фёдр молчал, покрывал Тамарку, боялся за свою шкуру...

Вспомнив о Лексе, университете и Алинке, ставшей в том году ветром, Маня совсем разволновался, вскочил с гранитной плиты и в отчаянии стал долбать кулаками первую подвернувшуюся ограду. Долбать толком у него не получалось, поскольку Маня не был живым, а у мертвяков сложные отношения с материальным миром: то можешь схватить предмет, а то проваливаешься сквозь все подряд. Если держишь эмоции под контролем и намерения у тебя четкие, получается, как ты задумывал. То есть когда надо, проникаешь сквозь, а когда надо — берешь, как живой. Почти как живой...

Сейчас Маня находился в таком возбуждении, что ни о каком контроле и речи не было. И намерений у Мани тоже не было. Он был влюблен в Казю, а она в него — нет, и хоть удолбайся, ничего не изменишь!

Когда именно Маня понял, что влюбился, он не знал. Это как-то не сразу произошло. Сначала ему было просто интересно: новенькая! Затем он ей стал завидовать: ему бы такие способности! Потом он стал ревновать ее к Лексу, хотя, рассуждая трезво, поводов к тому не было никаких. До Кази Лекс захаживал к Алинке, хоть та и не отвечала ему взаимностью по причине депрессии (да, у мертвяков тоже бывает депрессия!). А не успела Казя обжиться, как Лекс поступил в университет Йоки, находящийся прямо под академгородком Пушино, недалеко от их кладбища. А там сразу обзавелся новой подружкой, Тик-Тик. На фиг ему не сдалась Казя!

— Нет, я не ревную и никогда не ревновал... — пробормотал Маня, несколько успокаиваясь и опускаясь вновь на плиту. — Лекс и Казя всегда ровно

друг к другу дышали. Но от этого не легче. На меня-то ей тоже плевать. Я для нее маньяк и рохля.

— И на меня ей плевать, — вздохнул за спиной кто-то.

Маня вскочил:

— Лекс?! Игнат? Склеп? Кто тут?

— Дай морковку!

— А, Кузя! Фух. Напугал.

— Чего тебе бояться, ты мертвяк и маньяк.

А я простой плюшевый заяц. Дай морковку!

— Да ладно, ты же не заяц, ты — сложное существо, мы все это знаем.

Заяц вышел из сумрака, раздвинув заросли сирени. Вид у него был несколько помятый — усталый вид. Маня припомнил весьма неприятную для себя историю двухлетней давности, когда его преследовал синий вихрь, а он, не зная еще, что этот вихрь — Алинка, бежал прочь, налетел на Кузю, схватил его за уши и принялся в панике отбиваться им от ветра и орать благим матом. Подоспевшей на шум Казе пришлось их разнимать. После того случая он наверняка окончательно упал в глазах Кассимиры! А перед зайцем, Казиным фамильяром, ему до сих пор было стыдно.

— Ну дай морко-о-овку!

— Нет у меня морковки. У меня вот бутерброды со шпротами есть, только сегодня у могильщиков сдублил. Хочешь?

Маня полез в карман и извлек из него помятый пакет. В нем, в промасленной газете, лежали заветренные бутерброды.

— Бери, бери, я с запасом надублил, — пояснил Маня. — Остальные в склеп отнес.

— Не фонимаю, зафем вы, дураки, дублиите, когда фсе фто угодно можно и так пожелать — и сфудет-

ся! — разнахальничался заяц, уминая за обе щеки бутерброд. — Прояви мне морковку!

— Да не умею я... Сам прояви! Да, вот сам прояви, раз такой умный! — разозлился Маня. — Думаешь, так легко? Захотел — и готово?

— Ага! — кивнул заяц, продолжая жевать. — Зафотел — и готово! А то ты сам не знаешь. Закон загробного мира! Все желания исполняются! Только надо на самом деле захотеть. И чтобы желание не противоречило другим желаниям. Эти два момента — ключ к успеху!

— Ой, тебе-то откуда... Ах да, ты у нас доктор наук! Путешественник-ходильник. Расскажи, как ходилось, кого удалось найти?

— Потом расскажу, попозже. А про желания я давно узнал, из лекции в универе. Подслушал.

— О как. А...

— А больше я ничего не успел услышать, меня засеки и вытурили. Лекции — только для студентов. А нас, зайцев, и за людей не держат. То есть за мертвяков... Вытурили.

Маня не знал, как реагировать. Кузю ему стало жалко. И тут же стало и себя жалко. Вон, даже заяц — и тот побывал в универе.

— Слушай, а расскажи тогда пока про универ! Ты же с Казей туда попал, а потом больше не попадал? Я знаю, что она там была тоже давно, уже после всех событий с Тamarкой и тетя Таней. Но она не рассказывала ничего толком. Как все там устроено-то? А то все дружно отнекиваются.

— А морковка у тебя есть?

— Да нет у меня морковки! Почему ты сам не сотворишь морковку, если все правила работают?

— Да они-то работают. Но закавыка в том, что я не просто хочу морковку, а хочу, чтобы мне ее дари-

ли. Со словами «на, зайка, дорогой, я о тебе позаботился, помнил, морковку приготовил», понимаешь?

Маня, кажется, понимал. Но морковки у него все равно не было.

— На нет и суда нет. И туда нет. И разговора нет. Пока-пока!

Кузя вытер лапкой измазанный шпротами рот и ускакал.

Кузя ускакал, а Маня почесал затылок и решил разобраться с правилами и научиться, наконец, управлять своими желаниями. Хотя бы для начала дом свой слегонца апгрейдить. Он же давно этого хочет! Выяснить детали и технику исполнения желаний можно было у Лекса. Раз уж в универе их этому учат, пусть поделится! Хотя как его заставить рассказать, все это время он толком об универе не рассказывает, наверное студентам запрещают делиться информацией. Вон, Кузю выгнали с обычной лекции...

Понимая, что шансы застать Лекса минимальны, Маня собирался оставить ему записку, пока шел, даже текст насочинял: надо, мол, встретиться, дело важное, когда появишься, найди меня. Но записку писать не пришлось, Лекс оказался в своем домике.

— А, Маня, привет! Заходи. Давно не виделись.

— Ну ты сам виноват, носу домой не кажешь. Привет. А сейчас на каникулы? Завтра полнолуние, середина лета. У нас тоже маленькие каникулы, на Ивана Купалу.

У покойников Иван Купала мог не совпадать с этим днем в мире живых, в По-Мире он был привязан к полнолуннию в середине лета.

— О, точно, завтра же... Вечеринку забачаем?

— Как всегда.

— Это хорошо. Но вообще-то я не поэтому. У меня к тебе дело. Важное. Но это долгий разговор.